

*Интервью к 10-летию
иерейской хиротонии о. Иоанна*

Священник Иоанн Баркаръ: «У меня всегда была большая любовь к России, еще с детства»

Дорогой отец Иоанн! Разрешите поздравить Вас с 10-летием служения Церкви Христовой! Давайте начнём нашу беседу с разговора о начале Вашего пути к священству. Как мы знаем, у всех этот путь разный: кто-то с детства помогает в алтаре, кто-то – поёт на клиросе, для кого-то решение стать священником является внезапным. А как было у Вас?

Сколько себя помню, ходил с родителями в храм. А когда я был в четвёртом классе, батюшка пригласил меня помогать в алтаре. Это было большое и великое счастье. И так я был алтарником вплоть до окончания гимназии в девятом классе. В Молдавии учатся в гимназии до девятого класса, потом лицей.

Вы окончили Кишиневскую православную теологическую академию. Почему Ваш выбор пал на это учебное заведение? С какими сложностями Вы сталкивались во время учебы и как удавалось их преодолевать?

Когда был выбор, куда мне идти учиться после 9-го класса, то, так как я был очень близок к церкви, решил поступать в семинарию. Это были единственные православные учебные заведения: семинарию при монастыре

я закончил на севере Молдовы, а Академию – в Кишиневе. А что касается особенностей... Я родился в деревне, почти никуда не выезжал, разве что пару раз в столицу, в Кишинев. И когда мы с мамой поехали в монастырь, при котором была основана семинария, пришлось расстаться с мамой. Тогда мне далось это крайне трудно: я плакал, сильно скучал, пару месяцев не мог найти себе места. Наверное, это было самой большой трудностью. Но потом начались и монастырские послушания, к которым мы особо не были готовы – ни для кого из семинаристов это не было привычной практикой. То есть были не только уроки,

но и серьезная работа в монастыре. Так как тот монастырь открылся незадолго до моего поступления, там было много работы: например, строился собор, семинаристы сами пекли хлеб, готовили еду, убирали территорию, топили дрова в котельной... Я, к слову, был парикмахером для семинаристов: еще в детстве папа просил меня стричь его; семинаристы откуда-то прознали про это и... вот такое необычное у меня было послушание от однокурсников. Тем более, монастырь был вдалеке от какой-либо парикмахерской. Было и следующее. В первую и последнюю седмицу Великого поста мы с двух часов и до семи утра находились в храме на службе, потом шли на занятия, а потом еще и трудились, готовились к Пасхе... Распорядок дня был серьезный.

Мы ходили и в лес за дровами... Конечно, тогда такая жизнь казалась очень-очень тяжелой, но после мы стали сильно скучать по этому монастырю. Жаль, в жизни мы не осознаем хорошее сразу. Хотя тогда вся наша жизнь была под присмотром. Если дома мы привыкли делать все, что тебе вздумается, быть свободными, то там – все по расписанию. Если ты не встал в 6 утра, то в твою дверь начинали стучать, входил инспектор... Тогда я научился за секунды поправлять кровать и бодро выглядеть, как будто и не спал. В 6:30 все уже собирались в храме на утренние молитвы, они читались по очереди. После утренних молитв мы вместе пели тропари и кондаки Пресвятой Богородице. Это было что-то особенное, потому что пели мы все – около ста семинаристов. Когда все пели, было очень трепетно. Потом у нас была трапеза, в 7:30. И в 8:00 уже начинались уроки.

Настоящая школа жизни...

Да, это было что-то... Честно говорю, это было... как в армии, что ли. Хотя не знаю, как бывает в армии, не служил, к сожалению. Но мне кажется, наша «школа жизни» была даже серьезнее армии с точки зрения строжай-

Первая служба в Георгиевском храме на молдавском языке, 8 ноября 2014

шего распорядка дня... Были ещё «три предупреждения»: если получишь все 3, то «полетишь»... Инспектор был очень строгим. Хотя так и положено: как я говорил, многие из семинаристов были из родительских семей, потом попадали в монастырь учиться, причем очень молодыми. Мне, например, было только 15 лет.

Могли бы Вы рассказать о Ваших духовных наставниках и о том, чему Вы научились у них?

В деревне, где я родился, был один священник, он и был первым духовником. В семинарии мы все исповедовались у одного священника, он был духовником всей семинарии. Поскольку он был монахом, все было по-другому. Например, исповедуясь у такого духовника, некоторые семинаристы начинали на что-то смотреть иначе, обращать внимание на такие вещи, которым раньше вообще не придавали значения; понимали, что то-то и то-то, оказывается, тоже вредит нашему духовному здоровью... Благодаря этому духовнику, мы начали немножко «щупать» эту духовную жизнь. Поясню: я ведь с детства ходил в храм, но лишь в семинарии я понял, что более глубокая духовная жизнь начинается только сейчас. Потом, уже в Академии,

духовником был архимандрит Ермоген Адам. В прошлом году к нам в храм приходил старенький батюшка, отец Дамиан. Он живет здесь, а служит в Москве, настоятель. В беседе с ним оказалось, что он учился вместе с моим духовником, архимандритом Ермогеном, Царствие ему Небесное – после того как я переехал в Россию, он умер. Это был отличный священнослужитель, учитель и духовник. Он был уже стареньким, поэтому строго соблюдал все каноны. Мы его боялись. Например, на литургии, которую он нам преподавал, моментов для расслабления не было. А после того, как я стал священником, уже с епархии назначили духовника для меня. Получается, за свою жизнь у меня было несколько духовников.

И сейчас, когда я нуждаюсь в духовном очищении, исповеди, то чаще всего обращаюсь к нашему настоятелю – отцу Кириллу. Ну а когда бываю в Молдавии или посещаю святые места, то, при наличии моих соотечественников-священников, исповедуюсь у них. Например, на острове Залит, где раньше служил протоиерей Николай Гурьянов, сейчас служит мой соотечественник – отец Рафаил. Или, например, в Николо-Сольбинском монастыре под Переславлем-Залесском тоже служит мой соотечественник. К тому же там игуменья, а также немало сестер из Молдавии. А так, когда чувствую необходимость, то подхожу к нашему отцу Кириллу.

А с чем была связана самая большая трудность при переезде в Россию и начале служения и здесь?

Огромную трудность для меня представлял языковой барьер. Настолько, что, помню, в магазине я толком не мог ничего сказать: я знал слова по отдельности, но построить фразу почти не мог. Поначалу я разговаривал так, как будто... хуже всех. При этом у меня всегда была большая любовь к России. Не знаю почему. Ещё с детства, наверное. Я родился ещё в Советском союзе, хотя это был уже закат СССР. Но то, что мы видели и слышали, то, как нас воспитывали люди, выросшие в Союзе, все это дало мне большую любовь к России. Я всегда представлял, что тут вера не такая, как везде: тут она намного выше, тут люди очень верующие, они духовно горят православной верой... А трудностью при переезде был в первую очередь языковой барьер. Потом, конечно, нахождение места служения, так как мы приехали абсолютно «вслепую». Вначале мы с супругой поехали к матушке Матроне в Покровский монастырь, мы читали каждый вечер акафист святой блаженной Матроне... И на второй день супруга нашла работу: вдруг помогли знакомые. А я три месяца был дома с дочерью. Я же обращался к отцу Андрею (Гахову, настоятелю храма во имя св. Матроны в Сходне). Он не сказал ни «нет», ни «да», но познакомил меня с благочинным. Конечно, он (и я его в этом понимаю и не осуждаю) переживал, что я плохо говорю по-русски... Потом риелтор, который помогал нам снять квартиру в Сходне, вдруг говорит: «А у меня есть знакомый священник, я поговорю с ним». Я ответил, что буду рад. Вскоре он говорит мне: «Езжай в Фирсановку» и даёт адрес. Я приехал... Помню, это было 19 декабря, день святителя Николая, архиепископа Мирликийского. Я тогда приехал к восьми утра: думал, побуду на службе, а приезжаю – служба уже заканчивается. Тогда я, конечно, не знал, что службы такие ранние... Я пообщался с отцом Сергием после службы. Он сказал, что подумает и перезво-

нит мне, оставил свои контакты. И буквально в тот же день, после обеда, он звонит мне и говорит: «Батюшка, приезжай, служи. Если хочешь, отдыхай здесь» (то есть если приезжаешь в субботу на вечернее богослужение, ночевать разрешил в церковном доме). Но тогда я даже не думал, чтобы меня официально приняли священником сюда. Я понимал, что это – Москва, Московская область, и священников здесь достаточно, в отличие от более далёких от столицы епархий, где нуждаются в священниках. Здесь же есть и семинарии – в Сергиевом Посаде, в Коломне. Священников достаточно... Поэтому пока я просил лишь разрешения причастить, отец Сергей разрешил. Потом, где-то через неделю, уже когда мы смогли и переселиться в Фирсановку – в Сходне нам приходилось очень дорого платить за жилье -, отец Сергей предложил оформить мое священство документально. И – тоже: сплошные чудеса, связанные с Россией, продолжились! Получилось так, что одним из моих предшественников был священник, который, как я слышал от отца Сергея, служил на Севере, был знаменитым, выступал по телевидению, писал собственные книги; чуть позже был еще один священник, из Одессы, молодой, он имел опыт работы с молодежью, у него была очень хорошая, грамотная русская речь... Но почему-то этих священников не приняли, а приняли меня, который не мог толком связать двух слов. Для меня это тоже было настоящим чудом... Ух, забыл даже – на какой вопрос я отвечаю? (смеётся).

Мы начали говорить о том, с какими сложностями Вы столкнулись при переезде в Россию и при служении здесь... Вы очень интересно развили тему...

Если возвращаться к разговору о сложностях, то они были в общении с людьми, потому что даже проповедь, беседу я не могу хорошо строить: чувствую, что не могу донести то, что хочу. Иногда говорю лишь то, что могу сказать. Чувствую, что хочу сказать что-то, но не могу найти нужные слова для этого.

А есть какие-то существенные отличия служения и взаимодействия с прихожанами в Молдавии и в России?

Есть огромные отличия между прихожанами Молдавии и России. В Молдавии люди реже исповедуются и причащаются. На уровне священников принято исповедоваться и причащаться во все четыре поста. Как бы исповедоваться можно и чаще. Есть люди, которые этого придерживаются. Особенно в деревнях. Только раз в пост исповедуются и причащаются, и все. Разве что какой-то ребенок подойдет причаститься в обычное воскресенье. Поэтому тут общения с людьми больше.

Обязательно 95 % людей, которые играют свадьбу, они в тот же день и венчаются. А не так, что вы к замужеству готовы, к детям готовы, а вот брать благословения у Бога пока не готовы. И ждут чего-то, и не дождутся. Я этого пока не понимаю.

Службы такие же. Только в Молдавии – на молдавском. В городах служат для русских пару ектений на русском языке, остальное на молдавском. А так – все тоже самое.

Батюшка, Вы всегда очень спокойны и находитесь в позитивном расположении духа. Как Вам это удается?

Не знаю, почему так считают. На самом деле, кажется, я не такой. Может быть, в хра-

ме такой (улыбается). Отец у меня очень спокойный. Никого не обидит. И нас не обижал. Мы росли так, как и не встретишь. А мама была у нас была более резкая в воспитании. Нас было трое, мы всегда скрывались за спиной отца, чтобы он защитил нас. Он всегда говорил маме, заступаясь за нас: «Они не хотели! Оставь ты их» – «Как не хотели? Они же вот, вот, вот!» – «Да, они каются». И папа спрашивал нас: «Ты правда сожалеешь?» – «Да, сожалею», – отвечал один из нас. «Ты же больше не будешь?» И уже говорил маме: «Они больше не будут». Мы очень боялись его обидеть, из большого уважения. И маму уважали, но мама могла нас и наказать, а он – нет, поэтому заслуживал особенного уважения со стороны братьев и сестер.

А то, что вам кажется, что я спокойный, это от отца унаследовал.

У Вас подрастает замечательная, такая же позитивная и отзывчивая, дочь. Чем бы она ни занималась, она делает это с удовольствием: участвует в церковных богослужениях, читает по-церковнославянски, звонит в колокола, делает в храме уборку. Не секрет, что многие родители привлекают своих детей к участию в храмовых мероприятиях чуть ли ни силком. Как Вам удалось добиться того, чтобы ребенок делал это с неподдельной радостью?

Честно скажу, не припомню случая, чтоб я насильно тянул ее в храм. Может быть, были случаи, когда чуть строже спрашивал: «Ну, ты идешь сегодня в храм?», и она, из уважения ли ко мне, вставала и шла. Но, сколько помню, причащали ее с рождения еженедельно. Потом с трех лет – у нас здесь, в Фирсановке, такого нет, – а в Молдавии рядом с алтарем есть комната, мы называли ее «паламарка», не знаю, как будет по-русски. И там, из этой комнаты, дочь видела, как я служу в алтаре. Когда ей было 5 лет, мы переехали в Россию и жили в воскресной школе напротив храма. Я вставал рано, так как службы рано, дочь еще

*С дочерью Михайлой,
июль 2018*

спала. Матушка еще раньше уходила, потому что работала в Москве. И вот я в храме служу, выхожу на Великий вход, а дочь уже стоит в храме. Она сама, в 5 лет, потом в 6, так как мы переехали, ей было 5, а позже, на Покров Пресвятой Богородицы, ей исполнилось 6. Бывали и моменты искушений, когда она задавала вопросы, зачем и почему, я пытался объяснить как мог. Важную роль здесь сыграло, что, по благословению о. Кирилла, открылись занятия для звонарей, и как раз в это время у нас был пик вопросов «зачем» и «почему», но дочь стала ходить на колокольные занятия, и эти вопросы отпали сами собой, и все стало как прежде. И сейчас, когда мы в Молдавии, она тоже ходит каждый праздник, каждое воскресенье.

Конечно, правильное воспитание – это всегда труд двоих, отца и матери. Батюшка, поделитесь секретом Вашего семейного счастья.

Могу сказать, что у нас повторяется та же семейная ситуация, как и в моем детстве. Матушка более строгая в воспитании дочери,

а я уже так, стараюсь быть, как мой папа. Конечно, бывают разные ситуации, бывает, и ругаем, но любовью, это лучше всего, и ребенок это чувствует. Не только любить, но и пример подавать. На самом деле, я не очень хороший воспитатель, поскольку матушка занимается всей школьной программой и дополнительными занятиями, а я только так – что могу дать по моей линии, по духовной.

Думаю, это очень важно. Уроки не будут идти с ребенком по жизни, а духовное – будет.

Но на самом деле, и учеба важна, для будущего становления. Как мы знаем из Священной Истории, есть случаи, когда присутствует вера, любовь к Богу, когда человек стремится исполнять все заповеди, то может происходить и по примеру св. Иоанна Крестителя, прп. Марии Египетской, которые безо всякой школы знали все тайны Божии, знали все книги, не прочитав ни одной из них. Поэтому, важно, чтобы была духовная жизнь, духовный стержень.

Продолжая тему воспитания: только ли родительский пример является ключевым в воспитании детей? Какие советы Вы бы дали родителям, стремящимся убедить своих детей от опасностей современного мира?

Не знаю, насколько я хороший пример... Но я всегда пытаюсь все объяснить. То, что я считаю вредным для ее духовной жизни и здоровья, я стараюсь объяснить и подкрепить цитатами из книг и даже предлагаю фильмы, которые помогут ей утвердиться в том, то что я сказал. Но, в первую очередь, нужна беседа. Беседа постоянная, ежедневная практически. И когда ведется такая беседа, то у нее появляется еще больше вопросов, потому что ребенок пытается связать все логически. То есть, в нашем случае, это беседа. И я всегда ста-

раюсь показать, что это где-то еще написано или показано: в документальных фильмах, или, если речь идет о духовной жизни, – цитаты из Библии. И когда ребенок видит, что это и папа говорит, и еще кто-то где-то написал, для него это больше имеет веса.

Что бы Вы пожелали тем молодым людям, которые мечтают избрать для себя путь священства? К чему им следует быть готовыми и какими, на Ваш взгляд, качествами должен обладать священник?

Будущий священник должен быть заранее готов полностью отдаться Церкви. Порой с этим не очень согласны супруги, будущие матушки, ведь они, когда выходят замуж, выходят замуж за обычного человека, не за священника. Но потом все так поворачивается... Потому что будущий священник зачастую и сам не может знать заранее, что он станет священником. И я не знал, что буду священником. Я отучился и начал работать. Я уже работал, когда... просто за три дня стал диаконом. Я встретился с сокурсником, он уже был диаконом. И он спросил: «А ты что, не думаешь о рукоположении?» Я: «Да нет, у меня работа...» И больше он мне ничего не сказал. А через два дня мы снова встречаемся, и он достает из портфеля заявление. Нужно было сдать три экзамена, три подписи должны были стоять: архимандрита Ермогена, нашего духовника,

ректора Академии протоиерея Вячеслава Казаку и третья – секретаря митрополии протоиерея Вадима Кейбаша. И не знаю, какой силой, но взял эту бумагу. Назавтра сдал экзамены, на следующий день пошел на исповедь – перед рукоположением надо обязательно быть на исповеди у священника от митрополии. На третий день я уже был диаконом... Также получилось и через полтора года, когда 2 августа 2009 я стал священником. Тоже очень, очень быстро – думал, буду диаконом всю жизнь. Так получилось, был за столом со многими другими священниками, и один из них говорит мне: «А ты что же, батюшка, ни туда, ни сюда? А то тут есть населенный пункт, они давно батюшку просят». И вот так за пару дней был неожиданно рукоположен во священники. Конечно, сначала была практика 40 дней, а потом стал священником этого населенного пункта, в храме во имя великомученика Димитрия Солунского. Потом был перевод в Кишинев, в храм Рождества Пресвятой Богородицы, там я служил до моего переезда в Россию. Мы часто говорили с моим хорошим другом, протоиерем Валерием – он пару раз был здесь у нас, служил – о том, как же хорошо было бы служить в России, неважно, где. Мы так мечтали, но ничего не делали для этого.

В Кишиневе было очень много треб, и мы весь день находились при храме. Заходит в храм одна женщина. Не выхожу я, выходит священник Николай. Она в слезах говорит: «Муж мой умирает, помогите!» Кстати, это Зинаида Михайловна, она сейчас ходит в наш храм. Отец Николай ответил, что сейчас пришлет священника, так как у него самого должны были начаться крестины. Я прихожу. Муж ее, Андрей, уже был при смерти. Мы успели его пособоровать, причастить, и ближе к вечеру он умирает. В Молдавии по традиции священник присутствует и на поминальном обеде. Там и разговорились с Зинаидой Михайловной. Она сказала: «Мы переехали в Россию, ради будущего своей дочери. Если хотите, могу поговорить насчет документов для переезда». То есть, речь шла совсем не о том,

чтобы найти мне место служения или место работы для супруги. Вот так я приехал в Россию. Мой друг-священник до сих пор мечтает попасть в Россию...

Спасибо, батюшка, такими путями Господь привел Вас... Давайте вернемся к разговору о качествах священника, без чего нельзя им становиться?

Да, как я сказал, первое: полностью пожертвовать себя Престолу. Второе: все-таки должно быть желание на сто процентов. Никаких вопросов, кроме веры, кроме служения Богу, не должно быть. Третье... Ты должен чувствовать, что достоин этого. Конечно, самому понять это непросто. Но нужно общаться с духовником. И если духовник благословляет, то да. Священник должен быть готов всегда помочь людям. Он сам должен быть настоящим христианином, абсолютно настоящим. Раз начинаешь служение, обратного пути нет. Со священника спрос будет больше, и если чувствуешь, что не готов, то лучше не надо, так как можешь погубить свою душу и не только свою.

Отец Иоанн, Вы стали священником 10 лет назад. Что изменилось за эти годы в Вашем отношении к священству, к людям, к окружающей действительности? Все ли Ваши ожидания, которые были в период

рукоположения, совпали с действительностью? Что было неожиданным, а что – закономерным?

У меня особых каких-то ожиданий не было. Думаю, у каждого перед хиротонией есть только мысли служить алтарю и заботиться о пастве. Но укрепились некоторые те моменты, которые были вначале. Когда беседуешь с людьми, когда принимаешь исповедь, для себя открываешь многие вещи. Видишь, какой духовный опыт у людей, как они спасаются. И, конечно, по возможности стараешься, если где-то не так, брать из этого даже какие-то хорошие примеры. А отношение какое было, такое и осталось. Всех люблю, нет таких прихожан, к которым не было бы любви. Да, всякое бывает, бывает, устаешь, тяжело. Но на другой день приходишь с ощущением: все хорошие, всех люблю.

Напоследок поговорим о нашем приходе. Что Вам нравится больше всего? А к чему следует стремиться? Какие-нибудь у Вас есть пожелания к нашему храму и приходу?

Наш приход, наш храм – особенные. Это не только я говорю, говорят многие. Каким-то образом – это не просто случайность, это огромная работа – прихожане сплотились, как большая семья. Многие прихожане знают проблемы друг друга, они помогают и вне храма друг другу, общаются по телефону, молятся

друг за друга. Не во всех храмах так. Нередко бывает, кто-то пришел на службу и ушел, не интересуясь. Наш храм – «семейный», и это очень важно. Храм вроде бы маленький, но такой уютный. Здесь можно найти духовное уединение с Богом. Он и построен с любовью. В него приходят с любовью, молятся. Это самое главное.

Пожелания – не поддаваться искушениям. Сохранить те традиции, которые мы бережем на протяжении двух тысяч лет. Сохранить любовь друг ко другу. Очень важно молиться друг за друга. Священникам – за прихожан, прихожанам – за священников. Потому что только так, я считаю, мы сможем преодолеть многие испытания и искушения. Как пишут святые отцы, мы должны молиться и друг за друга, и за весь мир...

Да, помоги нам, Господи, в этом. От души благодарим Вас, батюшка, за интересную беседу. Еще раз от имени всех прихожан поздравляем Вас с такой замечательной датой, десятилетием священства. Хотим пожелать Вам долгих лет служения, благодати и благословения Божия и Его помощи на Вашем непростом пути, а также поддержки и любви близких.

Спаси Господи! Очень отраднo, что меня полюбили так здесь и даже сделали такой сюрприз на мой юбилей. Это очень, очень приятно, и я буду молиться Богу за сохранение единения нашего храма, за сохранение Любви – той, которая прощает, которая не помнит зла, которая объединяет всех нас вокруг великомученика Георгия Победоносца. Помоги, Господь, всем нам!

02.08.2019.

Беседовали:

Вадим Глазунов и Наталия Добуш

Фото: Наталия Добуш,
сайт Георгиевского храма